

---

---

А. В. Дружинин

**Современные заметки.  
Письма Иногородного Подписчика  
в редакцию «Современника»  
о русской журналистике. XXV – Март 1851  
Отрывок**

Третий номер «Москвитянина» оказывает стремление к обращению своих статей в городскую почту, о которой я говорил месяца два тому назад, — городскую почту для рассылки приветствий своим противникам. Третий номер, будто зная, что некоторые из петербургских писателей дали друг другу обещание никогда не читать полемических статей, рассыпает свои билье-ду между строками, по-видимому, посвященными предметам серьезным и вызывающим на размышления. Бездна намеков, цитат, афоризмов, опровержений помещено в последних книжках «Москвитянина», и притом в статьях, по ходу которых всякому кажется, что тут ровно не с кем вдаваться в споры. Литератор, отбросив статьи чисто полемические, начинает читать книгу, думая, что его оставят в покое — не тут-то было! Он видит себя будто на Минеральных водах у Излера, где что шаг, то новый сюрприз. В отдалении кажется куст, а подходишь ближе — там горит вензель; в другом месте видишь беседку, а приложив лорнет к глазу, усматриваешь, что то не беседка, а хор музыкантов. Что ни шаг, то новое явление, новый сюрприз, новая предупредительность. То, что летом около Новой деревни называется сюрпризом, то в журналах именую я городской почтой. Когда журналы спорят между собой, любитель закулисных тайн легко усматривает, что по временам целая книжка издается для приватного чтения двум или трем противникам. Поставьте себя на место одного из таких противников: раскрывает он статью о греках или римлянах... кажется, между ними нечего делать спорщику... смотришь — тут как тут городская почта; поговорив о Тите или Перикле, сочинитель статьи находит случай заметить, что его противник ничего не смыслит и говорит высоким слоном. Вот сочинение о «Святовиде», вот другое: о «Губных старостах»; но едва противник увлечется этим сюжетом, — опять городская почта на сцене. По-видимому, речь идет о Святополке Окаянном; но это один только предлог, чтоб передать несколько любезностей своему критику. Верю, что ваш критик неправ; но ведь вы собирались толковать о древнем Перуне — и вдруг мечете свои собственные перуны на лиц непричастных делу! Речь коснулась женщин, играющих на скрипке... «кажется, теперь-то я отдохну — говорит, улыбаясь, противник — я не женщина и на скрипке не играю»... Правда, ты не играешь на скрипке, но ты самого ужасного мнения насчет древних половцев... Городская почта, городская почта! изобретение забавное для трех или четырех человек, глотающих все журналы и за два месяца вперед знающих их содержание; но для публики она едва ли понятна и занимательна!

Скажу, как самый беспристрастный из ценителей «Москвитянина», всегда отдававший, несмотря на неизбежную веселость своего воззрения на журналистику, полную справедливость трудам редакции, что ей гораздо лучше изгнать из страниц своего издания городскую почту, о которой мы только что говорили, которая

не исполняет своего назначения даже как городская почта. С какой стати, например, по поводу иностранных известий, чуть ли не лондонской выставки, сказано о петербургских критиках, что они или неученые гегелисты, или... уж не помню что? Станем на точку зрения автора этой статьи: неужели он думал этими словами поразить своих противников? Не думал ли он, что каждый из них, неожиданно прочитав такую выходку, внезапно побледнеет, не поспит три ночи и примется писать антикритику? Не думал ли он, что слова его, может быть, вызванные когда-то оскорбленным самолюбием, будут долго читаться, помниться, перечитываться и комментироваться? Не думал ли он, что изрек что-нибудь до него не сказанное или пропущенное тысячу раз мимо ушей, иногда с равнодушием, иногда с довольною улыбкою? Если он так думал, то редакция могла выставить ему тут же на вид все его невинное заблуждение, сказать ему, что каждый из второстепенных даже журналистов не только с детства почти приучен к выходкам несравненно более желчным, но даже считает свою известность неполною, если к одобрениям друзей не присоединяется осуждение со стороны противников. Не выставив этой простой истины, редакция очевидно подвергает себя нареканию, конечно, кратковременному, но все-таки нареканию, которого очень легко было бы избежать.

В другом месте третьей книжки, при описании литературного вечера у г. Погодина, сказано, например, от имени составителя статьи, что он «строго осуждает людей, которые хотели бы прерывать цепь предания, продолжавшуюся так достойно, благородно, чисто, в истории русской словесности, начиная от Ломоносова до “Отечественных записок” и “Современника” *невыключительно*». Вот еще городская почта, вот записочка, адресованная уже не одному или двум отдельным лицам, а на имя двух журналов, конечно, далеких от совершенства, но едва ли уступающих в достоинстве «Москвитяину». Какая цель этой странной заметки? Прошу читателей подумать и рассудить. Вы уже поместили обзор того и другого журнала, были совершенно правы и последовательны, обсудив их с своей точки зрения; но, будто подозревая, что этих обзоров ваши соперники и не прочтут, или по неимению времени, или из нерасположения к полемике, или просто из каприза, захотели высказаться в двух коротеньких строчках, которые прочтутся неожиданно и против воли? Вы достигли своей цели: их прочтет всякий, — но с каким чувством?

Чтоб навсегда распрощаться с журнальной городской почтой и получить равнодушие к полемике, стоит только вспомнить о том, что в глазах самолюбивого человека не только легкий недружелюбный намек, но даже систематическая и добросовестная критика есть не что иное, как мера, содействующая увеличению его известности. Между литераторами всех времен и народов почти всякий встречает нападки на себя с чувством непритворного удовольствия и чуть-чуть не говорит: «взгляните, каково я их зацепил!» И самолюбивый писака почти прав; оправдание своей радости он может найти даже в словах одного из британских эссеистов, — словах, которые мы выписываем для любителей полемики.

Нельзя не сознаться, — говорит этот писатель, — нельзя не сознаться в том, что в настоящее время критика с каждым днем теряет свою силу благодаря литературным спекуляциям и совершенно извращенным понятиям как авторов, так и их ценителей. Мы сами были свидетелями, как сочинители ничтожных поэм заказывали в разных изданиях статьи в похвалу себе и другие статьи (черта чрезвычайно характеристическая и достойная нашего времени!), в которых их же поэма терзалась с ожесточением. Читатели, которых любопытство было затронуто спором, завязавшимся между подкупленными хвалителями и подкупленными критиками, быстро раскупали несколько изданий кряду, и поэт, достойный совершенного забвения, если не наказания за свои происки, становился одним из фешенебельных поэтов Лондона!<sup>1</sup> Люди, добросовестно преданные науке, молчали

<sup>1</sup> Монгомери, которого поэмы имели каждая до девятнадцати изданий (примеч. Дружинина).

по необходимости, потому что, решившись оценить по заслугам одного из подобных героев, они бы только содействовали его славе. «Попросите у лорда Джефори — говорит один из романистов, имя которого мы не передадим публике, — попросите у лорда Джефори хоть маленькую статеечку в мое оуждение, а если он дает две больших, я соглашаюсь отдать в его пользу весь сбор за третье издание моей последней книги!»

Вот к каким результатам ведет журнальная городская почта.

Теперь перейдем к другим отделам «Москвитянина», или, лучше сказать, поговорим о начале нового произведения господина Писемского «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына, брак по страсти».

Знаете ли вы, что хвалить хороших писателей занятие весьма непривлекательное? Высказываешь вещи, давно знакомые автору — потому что кто же в мире не знает своих хороших сторон? — останавливаешься над страницами, которых достоинство он сам знает и будет знать, хотя бы пол-Европы на них восстало, — удерживаешься от веселости рассказа, чтоб не прослыть пристрастным существом, и в воздаяние таких похвальных усилий часто публика подсмеивается, говоря: «должно быть, речь идет о приятеле!», — а сам автор по временам обижается, что его мало похвалили! На моих глазах в какие-нибудь четверть часа времени один нувеллист возненавидел самого снисходительнейшего из своих критиков за то только, что тот назвал его последнюю новеллу «таким тепленьким рассказцем!» «Помилуйте — возопил этот нувеллист — я не булки пеку, а творю художественные создания!» Извольте после этого хвалить талантливых людей! и не лучше ли поступать, как те дальновидные люди, которые, в видах утонченной политики, осуждают всех и каждого? Кто-то сказал: «будь зол и свиреп ко всякому, зато при первом радушном слове целый свет кинется в твои объятия. Там, где ждешь врага, так сладко встретить доброго человека, что тебе всякий мгновенно придаст запас своей собственной добродетели!» Вот тонкий расчет, вот познание сердца человеческого!

Мало похвалить — да это едва ли не хуже решительной войны с каким бы то ни было талантом! Некий сочинитель стихов и романов, имеющий обыкновение заранее знать все, что о нем пишется, и напечатанные о себе отзывы перечитывать с тем вниманием, с которым читается адрес в испанских палатах, прибегает, весь бледный и испуганный, к издателю своего дружественного журнала.

— Что ты сделал со мной? говорит он в отчаянии: — это ли награда за мои труды и верность вашему кружку? Я читал в типографии корректуры рецензии о моей книге: что там сказано? что? отвечай мне...

— Там сказано, что ты писатель замечательный, даровитый и остроумный.

— Очень благодарен, любезный друг, за твоё остроумие! писатель замечательный!?!... как будто бы я сочинял водевили!

— Чего же тебе хочется?

— Назови меня художником; еще есть время исправить корректурные листы.

— Что ж ты не сказал раньше? изволь: будешь художником. Давай сюда листы.

Когда листы были исправлены, сотрудник начать мяться, и по лицу его видно было желание о чем-то попросить.

— Да уж прибавь кое-что о *творчестве*! — наконец сказал он с робостью.

— Нет, уж о творчестве не проси; теперь это слово не в ходу.

— Да разве у меня нету... творчества?

— Конечно, есть; только не оставь ли его до нового отзыва? во всем нужна постепенность.

— Да если я умру раньше новой рецензии?

— Мы напишем творчество в некрологии.

— Ну уж, пиши творчество и приходи ко мне сегодня обедать.

— Ну вот тебе и творчество. Можно ли отказывать своему амфитриону!

И все-таки поэт сделался врагом издателю, потому что на критическом языке того времени кроме творчества просто существовало высокое творчество. Извольте после этого хвалить даровитых писателей!

То ли дело подшучивать, находить во всем недостатки, спорить, не оставаться ничем довольным! Вообразите себе компанию людей, решившихся находить превосходным каждое слово, каждое деяние своего сочлена: не скучно ли быть в подобной беседе? «Какой анекдот рассказал нам Иван Семеныч!» — «Какие стихи напечатал в газете Нафанаил Петрович!» — «Что за бесподобный пальто у Петра Петровича!» — «Как много истинно женской наблюдательности у Марьи Савишны!» — «Какой знаток в живописи ее папенька!» — «Слышали ли вы новую польку нашего милого барона?» — «Что-то поделывает наш дорогой турист? помнит ли он о нас в Париже?» — «Мы не спим ночи, ожидая писем Иногородного Подписчика!» Отвяжитесь вы от меня, существа, предавшиеся взаимному восхвалению! прочь далее, прочь, вертопрашные добряки, над которыми и подшутить совестно, потому что они тут же обидятся и возопят о неблагодарности! То ли дело люди, с которыми нужно быть вечно наготове, с смелым взглядом в чужие глаза, с готовой шуткою в кармане, с взаимными уступками поневоле! Если такие люди не принадлежат ни к какому кружку, знакомство с ними есть немалая из находок. Ah, mademoiselle! вы меня считаете каким-то кондотьери и пиратом! вот вам вместо того человек тихий и благоприличный. Вы, mio signore<sup>2</sup>, собирались высказать мне миллион горьких истин, а я вам их выскажу два миллиона и не позже завтрашнего утра сделаюсь вашим первым другом. Только не переставайте изредка спорить со мной: чтоб быть друзьями весь век, необходимо по временам ссориться...

Ай, в какие страны я отъехал, и как далек я от своего сюжета! Сообразив все мной сказанное, вижу, что мы остановились на первой части нового произведения господина Писемского. Повесть открывается изображением хозяйки квартиры со столом и прислугой и ее жильцов; лица обрисованы верно и с большою меткостью... По мере того, как рассказ расширяется и идет далее, автор повести видимо становится сильнее и сильнее, бойкий и светлый слог его начинает чаще и чаще вызывать улыбку. Персонажи бального танцмейстера, милашки музыканта, Хозарова, принимающегося писать дневник за целые полгода в один раз, превосходны. Вот описание туалета сорокалетней девицы:

— Поди, этакий деревенский неуч! Еще не без чего четвертый год в Москве живешь, — возразила с сердцем Татьяна Ивановна. — Дай мне умыться, — сказала она и начала доставать из комода мыло, полотенце и угольный порошок. Кухарка между тем достала из-под кровати таз с огромным умывальником. Распустив совершенно капот-распашонку, Татьяна Ивановна первоначально натерла зубы угольным порошком, выполоскала их потом и вслед за тем принялась обмывать руки, лицо и даже грудь. Почти целое ведро было издержано на омовение ее сорокалетних прелестей, которые потом, как водится, были старательно обтерты полотенцем, а кухарка отослана к исполнению ее прямых обязанностей. Оставшись одна, Татьяна Ивановна принялась убирать волосы. Приведя голову в порядок, она вынула из комода пузырек с белою жидкостью и начала оною натирать лицо, руки и шею; далее, вынув из того же комода ящичек с красным порошком, слегка покрыла им щеки. Украшив таким образом свое лицо и возложив на себя известное число юбок, Татьяна Ивановна, наконец, надела свое холстинковое, почти новенькое платье, и — странное дело, что значит женский туалет! Перед вами как будто появилась другая женщина; не говоря уже о том, что рябины разгладились, стали гораздо незаметнее, что цвет лица сделался совершенно другой, что самая худоба стана пополнела, но даже коса, этот мышиный хвост сделался гораздо толще, роскошнее и весьма красиво сложился в нечто вроде корзинки.

<sup>2</sup> Мой синьор (итал.).

У нашего автора есть одна драгоценная сторона, к сожалению, редкая в наших писателях, — сторона чрезвычайно утешительная, необходимая для литератора, трудящегося в наше время, а именно — веселость рассказа. Веселость эта проникает собою всю первую часть только что начавшегося романа, поминутно вспыхивает в целом ряде ловких замечок и выходов и оставляет читателя под влиянием постоянно приятных ощущений. Пусть запасутся как можно большим запасом душевной веселости и г. Писемский, и все наши молодые литераторы, и пусть они, полагаясь на силу этого редкого качества, бодро и спокойно совершат свое поприще и сохраняют свое достоинство посреди борьбы грошовых интересов, посреди антагонизма своих друзей и своих соперников, посреди шума столкнувшихся кружков, посреди всех этих событий, называющихся на языке людей с веселостью не более как литературными дразгами!

А. В. Дружинин

Современные заметки. Письма Иногородного Подписчика в редакцию «Современника»  
о русской журналистике. XXV — Март 1851

Впервые: С. 1851. № 4. Отд. VI. С. 204–223. Публикуемый фрагмент — с. 210–216. Без подписи. Цензурное разрешение — 05.04.1851. Цензор А. Л. Крылов.

Переизд.: Дружинин. Т. 6. Черновой автограф (фрагмент) под названием ««Письма, литературные беседы и парадоксы Иногородного Подписчика» — РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. № 20. Л. 11–11 об.

В черновом тексте речь идет не о «Москвитянине», а об «Отечественных записках»: «Вот, например, в новых книжках *“Отечественных записок”* заметно явное стремление к обращению своих статей в городскую почту, и я серьезно порадуюсь. <...> Вообразите только, что в трех или четырех книжках этого весьма уважаемого мною журнала втиснуто до ста намеков, цитат, афоризмов, опровержений, и все это как бы вы думали, на чье имя? — на имя вашего преданного слуги и поклонника *“Отечественных записок”*, короче сказать, на имя Иногородного Подписчика. Такое честное внимание меня конфузит и очаровывает, читая *“Записки”*, я воображаю себя на Искусственных Минеральных водах, где что шаг, то новый сюрприз <далее текст соответствует

печатному — о Перикле и Святовиде». Уж не Вертоградов ли думает заманить меня на полемику?». Вертоградов здесь — вымышленный Дружинным персонаж, строгий критик (см.: Дружинин. Т. 6. С. 388).

Отрывок из «Письма» Дружинина продолжает его полемику с «молодой редакцией» «Москвитянина», начатую в предыдущем, 24-м, письме о русской журналистике (С. 1851. № 3). Там критик впервые обвинил сотрудников этого журнала в желании оставаться непогрешимыми и неподсудными и одновременно иметь право сурово критиковать всю петербургскую журналистику: «Между мелкими статейками „Москвитянина“ я заметил две или три, в которых редакция московского журнала, не вдаваясь ни в полемику, ни в лиризм, жалуется на то, что петербургские журналы никогда почти не отдадут справедливости ее трудам по изданию и наконец самым произведениям, печатаемым в „Москвитянине“». Я не питаю особенной нежности к петербургским журналам, а потому не желаю и не могу за них заступаться, но не могу не сделать весьма простого вопроса: не странно ли требовать похвал и сильного участия со стороны своих конкурентов?» (Дружинин. Т. 6. С. 503). В публикуемом отрывке Дружинин задается вопросами об уместности личных намеков в журналистике и критике и на конкретных примерах москвитянинских статей пытался показать, что они злоупотребляют полемикой, вставляя личные и подчас оскорбительные намеки на петербургские журналы в статьи даже такого содержания, которое не дает к этому никакого повода. В одной из таких заметок (см. коммент.) ироническому осмеянию подвергся сам Дружинин. Не указывая адресата полемики, Дружинин, описывая отношения современного критика и писателя, пародирует постоянные обращения критики «Москвитянина» к «художественности» как критерию оценки литературного произведения. Вместе с тем можно указать на двойственность его позиции: призывая коллег воздерживаться от «городской почты» сплетен в своих статьях, Дружинин сам не удерживается и предаст публичности свою ссору с одним «нувелистом», за которым угадывается Д. В. Григорович. Еще одна особенность фельетонного стиля Дружинина становится очевидной только при обращении к черновому фрагменту: планируя посвятить фельетон манере «Отечественных записок» помещать между строк научных статей колкости и упреки в адрес врагов журнала, Дружинин по каким-то причинам заменил название журнала на «Москвитянин», а все примеры реальных и вымышленных статей оставил без изменения. Тем самым возникала фиктивная ссылка: статьи «Отечественных записок» оказывались приписанными «Москвитянину». Можно полагать, что такая сознательная замена должна была дискредитировать сразу двух журнальных противников — и «Отечественные записки», и «Москвитянин».

Начало романа Писемского «Брак по страсти», которому посвящена вторая часть фельетона, не получает всесторонней оценки. Дружинин ограничивается лишь указанием на главную черту в таланте писателя — «веселость рассказа», вероятно, отсылая читателя к известному отзыву А. С. Пушкина о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя («Письмо к издателю „Литературных прибавлений к Русскому инвалиду“», 1831), в котором выражение «настоящая, истинная веселость» повторялось три раза.

С. 106. ...городскую почту для рассылки приветствий своим противникам. — Под «городской почтой» иронические подразумеваются намеки на личности и полемические выпады в журнальных статьях «Москвитянина», для чего использовались внешне не связанные с темой сюжеты.

С. 106. ...некоторые из петербургских писателей дали друг другу обещание никогда не читать полемических статей... — Скорее всего, имеется в виду чье-либо незафиксированное устное высказывание.

С. 106. ...рассыпает свои биле-ду... — Транслитерация франц. выражения 'billet doux' — любовная записка.

С. 106. Бездна намеков, цитат ~ в последних книжках «Москвитянина»... — Дружинин критикует «Москвитянина» за постоянные личные выпады против петербургских журналистов и критиков, в том числе против него самого. Примеры см. ниже.

С. 106. ...будто на Минеральных водах у Излера, где что шаг, то новый сюрприз. — Речь идет об устройстве швейцарцем по происхождению Иваном Излером (1811–1877) в Новой Деревне под Петербургом еженедельных увеселений. В «Заметках Нового Поэта о русской журналистике за сентябрь 1851 г.» И. И. Панаев красочно описывает, как Излер декорировал здание Минеральных Вод под разные экзотические объекты (замки фей, китайские киоски) и устроил фантастическую иллюминацию в парке (см.: С. 1851. № 10. Современные заметки. С. 3–4).

С. 106. ...около Новой деревни... — Исторический район Петербурга на правом берегу Большой Невки, где летом был открыт воксал с увеселениями для петербургской публики.

С. 106. ...поговорив о Тите или Перикле ~ сочинение о Святовиде... — В сохранившемся черновике этого пассажа (см. преамбулу) вместо «Москвитянина» неслучайно фигурировали «Отечественные

записки», поскольку «Иногородный Подписчик» Дружинин был уязвлен ироническим выпадам автора анонимного обозрения «Русская литература в 1850 году» (ОЗ. 1851. № 1; авторы — А. Д. Га-лахов и П. Н. Кудрявцев). Критикуя увлечение «Москвитянина» анекдотами, анонимный критик отмечал: «Иногородный Подписчик “Современника” с важностью толкует о значении парадоксов; этому дилетанту еще простительно увлекаться легкими фразами г. Сенковского, осуждающего прекрасный труд г. Шульгина, простительно не понимать значения русских песен и “Слова о полку Игореве”, потому что он еще дилетант, прикрывающий недостаток сведений шуточками и любовью к легкости» (ОЗ. 1851. № 1. Отд. V. С. 65). Критика журнальной стратегии Дружинина располагалась внутри обозрения книг ученого содержания (о славянских древностях, о русской истории, греческом искусстве, статистике, географии и пр.), что, очевидно, и дало повод Дружинину упоминать о Тите и Перикле, Святовиде, губных старостах, Перуне и Святополке. Все эти отсылки, скорее всего, — не указания конкретных статей (в № 1–5 «Отечественных записок» за 1851 г. статей на эти темы не содержится), но намеки на многообразие ученого содержания журналов как Краевского, так и Погодина.

С. 107. С какой стати, например, по поводу иностранных известий ~ они или неученые гегелисты... — В разделе «Заграничные известия» в № 3 «Москвитянина» за 1851 г. анонимный автор, упреждая упреки петербургской «присяжной критики» в неосновательности своего обозрения, именовал их «неудавшимися гегелистами», «адептами школы дилетантизма и дендизма» (М. 1851. № 3. С. 278). Под дилетантами и дендистами критики «Москвитянина» подразумевали прежде всего И. И. Панаева и самого Дружинина, так что у последнего был повод обидеться и принять это на свой счет.

С. 107. В другом месте третьей книжки при описании литературного вечера ~ до «Отечественных Записок» и «Современника» не включено. — Цитаты из «Современных московских известий» Погодина (М. 1851. № 3. С. 246), демонстративно исключавшего «Отечественные записки» и «Современник» из славной истории русской литературы.

С. 107. ...в словах одного из британских эссеистов... — Цитируемую Дружининым статью обнаружить не удалось. Речь в ней идет о репутации чрезвычайного популярного и финансово успешного в 1830-е гг. британского поэта Роберта Монтомгери (Montgomery, 1807–1855), поэмы которого «The Omnipresence of the Deity» (1828, 28 изданий к 1858 году), «Satan, or Intellect without God» (1830) стали бестселлерами и вызвали пародии и множество критических статей. Наиболее известны среди них эссе Э. Кларксона (Clarkson) «Robert Montgomery and his reviewers» (London, 1830), где предложен разбор причин его популярности, и разгромная статья Т. Б. Маколея «Mr. Montgomery's Poems» (Edinburgh Review. 1830. Vol. CI. April).

С. 108. ...«Сергей Петрович Хозаров и Мари Стулицына, брак по страсти». — Повесть А. Ф. Писемского опубликованная в «Москвитянине» (1851. № 4–7).

С. 108. ...один новеллист возненавидел ~ его последнюю новеллу «таким тепленьким рассказцем!» — Как установила Н. Б. Алдонова, Дружинин имеет в виду самого себя и свои отношения с Д. В. Григоровичем, который обиделся на критические замечания Дружинина о своих рассказах и особенно на это место фельетона. Слово «теплота» отсылает к рефрену отзывов Дружинина о «душевной теплоте» таланта Григоровича (см.: Алдонова Н. Б. Некрасов, Григорович, Дружинин (из истории литературных отношений 50-х гг. XIX в.) // Некрасовский сборник. СПб., 2008. Т. 14. С. 126–127).

С. 108. Кто-то сказал: будь зол и свиреп ~ придаст запас своей собственной добродетели! — Скорее всего, Дружинин воспроизводит здесь житейскую мудрость, а не конкретную цитату, имеющую автора.

С. 109. И все-таки поэт сделался врагом издателю ~ существовало высокое творчество. — Возможно, тонкий намек Дружинина на расхождение в трактовке эстетических понятий критиками «Современника» и «Москвитянина». Для «молодой редакции» существовало жесткое противопоставление между беллетристическими и художественными произведениями (см. вступительную статью к наст. изд., с. 23).